

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ
И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ
СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

*Тезисы докладов и сообщений
межреспубликанской конференции*

октябрь 1992 г.

Москва

1992

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ
СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Тезисы докладов и сообщений межреспубликанской
конференции
октябрь 1992 г.

Москва
1992

Сборник содержит тезисы докладов и сообщений, полученных Оргкомитетом межреспубликанской конференции "Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков", проводимой Институтом славяноведения и балканистики РАН в октябре 1992 года. На конференции предполагается обсудить широкий круг актуальных проблем теории и методологии типологического и сопоставительного описания грамматического строя славянских и балканских языков, типологии грамматических, лексико-грамматических категорий, а также результаты и перспективы сопоставительных исследований в области синтаксиса, морфологии, морфонологии, словообразовании, семантики, фонологии и акцентологии славянских и балканских языков.

Редакционная коллегия:

Т. Н. Моложная (ответственный редактор),
Т. М. Николаева, Л. Н. Смирнов, А. Ф. Литвина

ISBN 5-201-00735-X

Институт славяноведения
и балканистики РАН,
1992

**ВЫДЕЛЕНИЕ ДОМИНАНТНЫХ ЧЕРТ В СТРОЕ ОТДЕЛЬНОГО ЯЗЫКА КАК
МЕТОД КОРРЕКТНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДЕСКРИПТИВНОГО МАТЕРИАЛА В
ТИПОЛОГИИ**

По мере развития типологических направлений в лингвистике все большую значимость приобретает указанный в заголовке аспект, ибо задачи типологического сравнения могут решаться тем успешнее, чем более пригоден для этого исходный дескриптивный материал.

Во-первых, задача типологической характеристики языка может пониматься как задача его атрибуции в рамках различных типологических классификаций. Какие из этих классификаций действительно приложимы к разноструктурным языкам — это отдельная проблема.

Во-вторых и в связи с первым, необходимо выделить в структуре языка и в его описании черты типологически релевантные. Чтобы не потерять ни системно-структурные связи каждого явления, ни его типологическую перспективу, полезно включать в типологическую характеристику языка не просто черты, отражающие универсальные категории, но черты, доминантные для структуры данного языка. На опыте работы над языками Индонезии и Индокитая у меня выработалось следующее представление. Доминантная черта — это признак (категориально-понятийный, лексический, лексико-грамматический, категориально-морфологический, синтаксический), который обладает множеством импликаций, обычно не на одном уровне, и среди них такими импликациями, в которых данная категория, отношение или значение предстают в трансформированном, метафорическом виде, либо вообще исчезли, оставив какие-то свои внешние признаки (напр. падежи прилагательных, возвратные частицы в русских непереходных глаголах).

Исследования доминантных признаков должно проводиться в их взаимодействии внутри данной языковой системы.

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ДЕАГЕНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКАХ (ЧЕШСКО-УКРАИНСКИЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН)

Типология простого предложения в современных славянских литературных языках должна строиться на принципах структурно-семантического моделирования с учетом таких фундаментальных дихотомических признаков, как глагольность/неглагольность, двусоставность/односоставность, сказуемое без связки/сказуемое со связкой, агентивность/деагентивность. Структурно-семантическое моделирование предполагает установление моделей, по которым образуются предложения-высказывания с тем или иным дихотомическим признаком. Объектом нашего внимания являются деагентивные предложения, производные от агентивных. Производность деагентивных предложений состоит в том, что агенс в них устранен из позиции подлежащего, занятой другим партиципантом или ликвидированной вообще.

Генетическая общность и типологическая близость славянских языков позволяет выделить в них определенный набор структурных моделей деагентивных предложений, которые могут быть сходными и несходными. В частности, сравнивая чешские и украинские языки, мы обнаружили в них 13 структурных моделей, из которых 7 являются сходными, 4 присущи только украинскому и 2 - только чешскому. Некоторые сходные модели характеризуются различной степенью продуктивности в обоих языках. Однако основное различие между ними касается структурных моделей с творительным агентивным и дательным логического субъекта, хорошо представленных в украинском языке и слабо - в чешском. Это позволяет утверждать, что возможности выразить субъект действия косвенными падежами в украинском языке значительно шире, чем в чешском.

К ПРОБЛЕМЕ СТРАТИФИКАЦИИ СЕМАНТИКИ

1. В связи с развитием когнитивной лингвистики и семантической типологии становятся особенно актуальными проблемы соотношения смысловых оснований языковых значений и специфических особенностей представления смысла в значениях языковых единиц и содержания высказывания.

2. Эквивалентность смысла, лежащего, в основе языкового содержания "равнозначных" высказываний в сопоставляемых языках, сочетается с возможной или неизбежной неэквивалентностью (неполной эквивалентностью элементов языковой интерпретации. Выделяются два типа неэквивалентности: 1) функционально-парадигматическая неэквивалентность, обусловленная наличием/отсутствием тех или иных единиц, классов и категорий или различием в их значениях; 2) функционально-синтагматическая неэквивалентность, обусловленная различиями в закономерностях функционирования сравниваемых единиц. Выявляются возможности использования понятий функционально-семантического поля и категориальной ситуации в типологическом и сопоставительном изучении славянских языков.

3. Рассматриваются вопросы дифференциации уровня системно-языковых значений и уровня семантической характеристики высказывания. Особое внимание уделяется проблеме интенциональности.

4. Проводится различие между значением и функцией. Понятия "семантическая функция" и "значение" различаются "доминантами общей ориентации": а) на семантическую структуру языковых единиц и их место в системе (значение); б) на потенциальные назначения и их реализацию в речи (функция).

И. А. Васюкова (Москва).

К ТИПОЛОГИЧЕСКОМУ МЕТОДУ ОПИСАНИЯ ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ
СУБСТАНТИВНЫХ СИНТАКСЕМ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА И ИХ РУССКИХ
ЭКВИВАЛЕНТОВ

1. В нашем исследовании впервые на болгарском материале был применен принцип, предложенный Г. А. Золотовой для русского языка. За основу классификации болгарских присубстантивных предложно-именных конструкций было принято понятие *именой синтаксемы*, первичной единицы синтаксиса, выделяемой на основе категориально-лексического значения, морфологической формы слова, а также характеризующейся синтаксической функцией.

2. В нашей классификации болгарских присубстантивных предложно-именных сочетаний выделяются три функциональных типа синтаксем: свободные, связанные, обусловленные, — в зависимости от того, при каких условиях реализуется их семантика (зависит ли она от синтаксического окружения — и в какой степени, или же предъявляет к нему лишь требование взаимного смыслового соответствия (синсемичности).
Например: Свободная синтаксема *вход в парка* (Директив)
Обуслов. синтаксема *енциклопедия в 100 тома* (Квантитив)
Связанная синтаксема *вяра в делото им* (объектно-делиберативное знач.)

3. В целях сопоставления интересующих нас болгарских и русских конструкций применен типологический метод. В нашем случае он позволяет сопоставить в плане содержания единицы, формальные показатели которых в русском и болгарском языках различны.

4. При типологическом сопоставлении болгарских и русских присубстантивных предложно-именных синтаксем устанавливаются функционально-семантические соответствия между ними и отмечаются формальные показатели русских и болгарских единиц синтаксиса. Для болгарского языка это предлог, наличие/отсутствие членной морфемы, показатель

формы числа; для русского - предлог и падежное окончание, показатель формы числа.

Г.К.Венедиктов (Москва)

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПАРНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В
СЛАВЯНСКИХ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ.

В славянских языках хорошо известна группа соотносительных глаголов движения, которые объединяются в пары наличием общего корня (рус. *нести* - *носить*, пол. *wieść* - *wodzić*, чеш. *letěti* - *letati* и др.) и свойственной им семантической особенностью, заключающейся в том, что глаголы типа рус. *нести* обозначают движение однонаправленное, обычно конкретное (разовое, некротное), а глаголы типа рус. *носить* - как движение неоднаправленное повторительное (кратное) или конкретное, так и однонаправленное повторительное. Такое семантическое соотношение парных глаголов движения присуще главным образом восточно- и западнославянским языкам. В литовском также употребляются подобные пары глаголов, часть из которых и этимологически соотносится со славянскими (лит. *nešti* - *nešioti*, *vesti* - *vedžioti* и др.). Их семантическое соотношение пока изучено слабо. Обычно его характеристика сводится к указанию на выражаемую глаголами типа *nešioti*, *vedžioti* повторительность движения, которое обозначается глаголами типа *nešti*, *vesti*. В действительности же семантическое соотношение глаголов данного типа в литовском аналогично тому, что наблюдается в славянских языках: глаголы типа *nešti* и *nešioti* соотносятся не только как глаголы неповторительные (некратные) и повторительные (кратные), но и как глаголы, обозначающие однонаправленное и неоднаправленное движение. Любопытно, что в литовском, как и в славянских языках, имеется супплетивная пара глаголов *eiti* - *vaikščioti* (ср. рус. *идти* - *ходить*, пол.

iść - chodzić и др.), которые в выражении характера направления движения и его кратности/некратности не отличаются от несупплетивных парных глаголов движения.

А.В. Головачева (Москва)

ТИПОЛОГИЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР, ВЫРАЖАЮЩИХ
ПОСЕССИВНОСТЬ.

1. Анализируются семантико-синтаксические структуры (ССС) [Ps V R] (Ps - имя possessора, R - имя объекта обладания, V - глагол, обозначающий действие актантами которого являются Ps и R, или состояния, охватывающие Ps и R).
2. Языковая семантика таких структур определяется, с одной стороны, их лексическим наполнением, т.е. семантикой входящих в них слов, с другой стороны - семантикой их синтаксиса, включающей в себя и семантику падежей, участвующих в их построении.
3. Для выявления конституирующей роли каждого из перечисленных элементов модели целесообразно провести классификацию материала по каждому из этих элементов.
4. Выделяются семантические группы глаголов, способные входить в СССР [Ps V R] и типы СССР, соответствующие этим группам.
5. Проводится классификация СССР в зависимости от падежной формы имен Ps и R, чем определяется сочетаемость падежа каждого из имен с определенным типом СССР (в частности, с определенным лексическим наполнением члена V), выделяются классы СССР R_{acc} , R_{loc} , R_{nom} , а также классы Ps_{nom} , Ps_{acc} , Ps_{loc} и типы СССР, соответствующие этим классам.
6. На основании такой классификации делается вывод о распространенности структур разных типов в рассматриваемых языках (русский, польский, чешский и словацкий) для рассматриваемых семантических групп глаголов. Исследование дает основание предположить существование в языковой парадигматике падежных комплексов, сочетающихся с

глаголами определенной семантики и имеющих при этом собственное языковое значение.

В.А. Головин (Киров)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПАСПОРТИЗАЦИИ

Типологический паспорт (ТП) – это краткая суммарная характеристика типологически существенных признаков языка. Создание теории типологической паспорттизации предполагает решение ряда актуальных проблем: 1) разработка универсальных алгоритмов типологической паспорттизации на морфологическом, лексико-морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях; 2) выбор методики типологической паспорттизации и проблема одновременного применения элементов нескольких подходов при составлении ТП (ср., например, квантитативную методику Дж. Гринберга, параметры сопоставительно-типологического анализа Э. Сепира, В. Скалички, В.Д. Аракина и др.); 3) проблема описания типов межъязыковых соответствий с учетом как формальных, так и семантических признаков сопоставляемых языковых явлений; 4) выход за рамки традиционной типологии и создание алгоритмов типологической паспорттизации в таких разделах языкознания, как диахроническая типология и функциональная грамматика; 5) разработка классификации ТП по таким параметрам, как объем ТП, количество сопоставляемых языков, степень родства или ареальной близости, методика типологической паспорттизации, синхронный/диахронический подход при сопоставлении ТП, степень лингвометодической направленности ТП и др. Можно выделить ТП одного языка, ТП двух языков (контрастивный ТП), ТП нескольких языков, ТП родственных языков, ареальный ТП, уровневые ТП, категориальные ТП, функционально-грамматические ТП, диахронические ТП, типолого-стилистические паспорта, лингвометодические ТП. Последний тип ТП представляет собой контрастивный ТП родного и изучаемого неродного

языков с обязательным указанием типологически существенных расхождений. Лингвометодическая часть такого паспорта - это краткое описание отчетливо контрастирующих фактов и стереотипных ошибок, а также путей их профилактики и преодоления. Особо следует отметить, что в ряде случаев сопоставительный ТП должен включать краткий сопоставительно-стилистический анализ, т.к. общие типологические особенности языка могут варьироваться в зависимости от функциональных стилей (ср., например, удельный вес видо-временных и залоговых форм в различных стилях). Представляется перспективным и создание типологических атласов, состоящих из кратких суммарных характеристик, или ТП соответствующих языков.

Е.И. Демина (Москва)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Применение сопоставительного метода в языкознании целесообразно лишь в том случае, когда оно направлено на решение какой-либо конкретной задачи, выходящей за пределы самого сопоставления, будь то задачи типологического характера и тем самым задачи общей теории языкознания, задачи ареальной лингвистики, теории и практики перевода или языкового обучения. В докладе на материале системы модальных категорий болгарского глагола, несвойственных ему в исторически засвидетельствованном прошлом и отсутствующих в других славянских языках, предпринимается попытка показать возможности и специфические особенности применения сопоставительного метода при изучении путей становления грамматических категорий, возникших в результате языковой интерференции в условиях длительных контактов неродственных языков.

Об интерференции на грамматическом уровне можно говорить в том случае, когда в исследуемом языке в итоге

длительных контактов в особых грамматических единицах закрепляется новый, ранее лишь на общем семиотическом уровне существовавший у его носителей способ семантического членения, "картирования" (Вейнрейх) внеязыковой действительности, что изменяет сам механизм порождения высказывания на этом языке, количество и качество "минимальных различительных актов выбора" (Мартине), обязательно осуществляемых при этом говорящим.

Поиск языковой системы, контакты с которой могли послужить начальным импульсом указанных изменений, и заставляет обратиться к сопоставительному методу. Выбор привлекаемых к сопоставлению языков ограничивается при этом соображениями ареального (наличие длительных контактов) и историко-культурного характера. В то же время данные языка - потенциального источника начального "толчка" - сопоставляются с данными родственных ему языков (независимо от ареального контекста) с целью выяснения "исконности" в нем изучаемого явления.

Поскольку при попытке объяснить языковые изменения (=вариации во времени) необходимо принимать во внимание вариации в пространстве, между разными частями языкового коллектива (Мартине), к сопоставительному анализу привлекаются материал диалектов исследуемого языка, данные лингвогеографии (как развернутой в пространстве диахронии) и памятников письменности. Состояния, отраженные диалектными системами, можно представить как этапы развития, "нанизать" на ось относительной хронологической последовательности и тем самым проследить процесс постепенного движения системы. Этой же цели служит материал других привлекаемых к сопоставлению языков, вступавших с изучаемым в длительные контакты и, в свою очередь, подвергшихся воздействию языка-источника, начального импульса, поскольку в них могло быть "законсервировано" достигнутое на каком-то этапе интерференции состояние.

Проведенный в соответствии с предлагаемыми принципами анализ позволил прийти к следующим выводам. Модальные категории болгарского глагола (императив, конклюдив, адмиратив, комментатив), присущие в кругу балканских языков также македонскому и албанскому глаголу, возникли в итоге длительных контактов населявших Балканский полуостров народов. Под влиянием модели османотурецкого глагола в грамматических единицах этих языков постепенно был закреплён ряд семантических дифференциальных признаков, ранее известных им только на общем семиотическом уровне. На основании этих признаков в каждом из них утвердился свой набор оппозиций, определяющих механизм анализа действительности и синтеза высказывания, сформировался свой узус. Вместе с тем, наличие некоторых параллелей между Балкано-славянскими языками и албанским свидетельствует о том, что объяснение происхождения рассматриваемых модальных категорий глагола разумно искать во всей сложной ситуации многовековых языковых контактов на Балканском полуострове, а не только в османотурецком влиянии.

М. И. Ермакова (Москва)

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ ВЕРХНЕ- И
НИЖНЕЛУЖИЦКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ВЕРХНЕ- И НИЖНЕЛУЖИЦКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ
КАТЕГОРИЙ)

В последнее время в лингвистической литературе по сорабиистике обсуждается вопрос о создании сравнительной грамматики двух серболужицких литературных языков. В общетеоретическом плане сравнительный анализ отдельных фрагментов в.-луж. и н.-луж. грамматической структуры мог бы сыграть определенную роль в решении вопроса о статусе с.-луж. литературных языков: большая часть исследователей считает их двумя литературными вариантами единого с.-луж.

языка, который базируется на родственных диалектах этого языка, но имеет глубокие различия на всех уровнях языковой структуры, отличаются между собой по степени развития нормы, кодификации, функциональной нагрузки. Для других лингвистов речь идет о литературных языках двух генетически различных языков.

Изучение в.-луж. и н.-луж. грамматических категорий в сопоставительном аспекте, а также с учетом характеристик соответствующих категорий в польском и чешском языках делает возможным более точную оценку соотношения в.-луж. и н.-луж. литературных языков, степени их близости и вероятности (хотя бы теоретической) идеи создания единого с.-луж. литературного языка.

Данный доклад является результатом сопоставительного исследования в.-луж. и н.-луж. грамматической категории времени с учетом данных польского и чешского языков, а также грамматической категории залога.

Рассматриваемые категории анализируются с точки зрения их структуры в указанных языках, состава форм, а также с точки зрения морфологических средств их выражения, особенностей в образовании отдельных форм. Сопоставительный анализ позволил сделать выводы относительно типологических различий и сходства в в.-луж. и н.-луж. категориях времени и залога.

В.К. Журавлев (Москва)

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

1. Зарождение диахронической типологии связано с осознанием необходимости верифицировать выводы сравнительно-исторических исследований данными типологии. Ср.: верификацию гипотезы о слоговом сингармонизме в праславянском данными о типах соотношений С+Г в Евразийском языковом союзе (Р.О. Якобсон, 1929).

2. Поиски "логики и смысла" звуковых изменений привели к выводу, что они вызваны "потребностью к соответствию структурным законам системы." Поиски последних привели к возможности сведения сотен систем вокализма различных языков к минимальному числу типов (Н.С.Трубецкой, 1929). Это и позволило разглядеть закономерности их системного устройства.

3. Предпосылкой диахронической типологии является типология систем, основанная на выявлении отношений и взаимосвязи между элементами языка. Типообразующие свойства являются в то же время и системообразующими факторами. Поиски последних привели к созданию "Основ фонологии" (Н.С.Трубецкой, 1937).

4. Под тезис "изменяется не отдельный элемент, а система" подведен теоретический, типологический и эмпирический базис. Эволюционирует система как совокупность системо- (=типоз-) образующих свойств, трансформирующихся от одного типа отношений языковых элементов - материальных сущностей- к другому.

5. Типология динамики отношений легко поддается формализации (ср.: формулы мутации Якобсона, конвергенции и дивергенции Поливанова, нейтрализации, фонетического закона, морфологической аналогии и др.). Обобщая эмпирический материал разных языков, они могут служить надежным аппаратом для определения типа данного конкретного изменения в фонетике, фонологии и лексике любого языка.

6. Диахроническая типология становится способом познания лингвистических объектов, их классификации и динамики. Опираясь на принципы системно-функционального подхода и понятийный аппарат диахронической фонологии и морфологии, она превращается в надежный аппарат системно-динамической реконструкции.

КАТЕГОРИЯ ЛИШИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО
СОЮЗА

Славянские языки характеризуются наличием нескольких архаических форм, в которых отсутствие какого-либо свойства или предмета выражено посредством привативного элемента (в древности - отрицания, позднее в некоторых языках ставшего из первого члена словосочетания привативным префиксом, как в греческом): рус. *у-душье*, *у-богий* (с инославянскими параллелями). Для раннеславянского периода этот тип обозначения лишительности можно реконструировать как преобладающий и продолжающий старую индоевропейскую модель (и.-е. * $\bar{p}$ -/* $\bar{ne}$ ->о.-слав. * $\bar{q}$ -/* $\bar{ne}$ -). В позднейший (но еще общеславянский) период под влиянием иранских языков и на основе общего с ними морфемного обозначения лишительности выработалась новая префиксальная модель (тип рус. *без-дом-н-ий*), соотношенная с исходной предложной (тип *без дома*). Сравнение с языками (енисейскими и алтайскими) сибирского ареала, где широко распространены аналогичные способы выражения лишительности (в том числе и с помощью особого падежа, как в кетском и югском), позволяет предположить общеевразийский характер этого типа. Иначе говоря, можно думать, что грамматическая категория лишительности, соотносимая с посессивностью и ей противоположная, может быть одной из черт типологического строя евразийского языкового союза (особенно его сибирской зоны, простирающейся и на юг к Центральной Азии).

Л. Э. Калнынь (Москва)

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ТОЖДЕСТВА НА
ФОНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ)

Существующая типологическая классификация славянских языков ориентирована на корпус фонематических единиц и

отчасти на правила их сочетания в классифицируемых идиомах (Исаченко), т.е. знаком типологического сходства является дискретная единица типа звук/фонема. Между тем типологической интерпретации должны быть подвергнуты такие фонетические особенности, которые проявляются в сегменте более длинном, чем один звук/фонема или их сочетание. В докладе показано какие уточнения можно ввести в типологическую классификацию славянских диалектов, если объектом сопоставления сделать:

1) правила организации звуковой последовательности, образующей фонетическое слово. Принимая во внимание распределение славянских языков по вокалическому и консонантическому типам, можно установить, что присущее консонантическим языкам ослабление вокализма, как компонента системы, сопровождается усложнением организации вокальной части фонетического слова. Усиливается межслоговая дистактная координация гласных, когда выбор гласного ориентирован на качество гласного следующего слога. Вокализм слова предстает как целостный комплекс взаимосвязанных элементов (ср. все виды ассимилятивного и диссимилятивного вокализма в рус. и белорус. диалектах, сингармонизм гласных в западноукр. и др.). Вокалическим языкам такая фонетика слова не свойственна. Уровень взаимодействия гласных в слове и специфика их расположения может играть роль дополнительной типологической характеристики в языке консонантического типа.

2) особенности звукового строя идиома, выражающиеся в отношениях к сонорности. Альтернатива состоит в повышении или понижении роли участия голоса (сонорности) в звуковой цепи. Повышение выражается в синтагматической активности сонантов, ведущей к снижению значения признака консонантности в звуковой цепи, в повышении участия голоса в образовании согласных и др. Понижение сонорности выражается в нулевой редукции гласных, в, хотя бы частичном, присоединении сонантов к классу шумных согласных и др. Разное отношению к сонорности проявляется на фоне

консонантических языков и может использоваться как основание для более детальной типологизации.

Предложенные уточнения не только создадут более адекватное представление о типологическом сходстве и различии в славянском диалектном континууме, но вносят некоторые коррективы в суждения о генезисе отдельных диалектов (например, связь украинских диалектов с южнославянскими).

В.Б.Касевич (С.-Петербург)

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ И ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР

Сама по себе правомерность постановки вопроса о корреляции между типом языка и типом культуры нуждается, очевидно, в обосновании: преобладают взгляды, согласно которым такой корреляции не существует (отвлечемся от концепции стадияльной типологии и под.). К тому же не вполне понятно, из какой возможной типологии культур уместно исходить, чтобы сам вопрос о сравнении двух типологий - культур и языков - приобрел смысл.

Между тем существуют вполне очевидные аспекты вопроса, которые делают несомненной самую тесную связь между обсуждаемыми категориями. Язык как таковой является основой культуры, а семантическая система языка фиксирует наивную картину мира, архетипическую для этноязыковой общности. Поскольку такая картина мира - важнейшая компонента культуры, трудность сопоставления культурного и языкового (семантического) типа заключается, скорее, в том, что они стремятся к слиянию; возможность сопоставления начинается там, где синхронное состояние "отходит" от архетипического.

Ряд авторов (Гивон, Денни, Перкинс и др.) устанавливают коррелятивную связь между параметрами культуры (развитость и тип сельского хозяйства, максимальный размер поселений, уровень разделения труда и

др.) и грамматическими параметрами языка (наличие и развитость дейктических по своей природе категорий времени, лица, ориентации в пространстве и др.). "Уровень сложности" культуры, согласно названным авторам, оказывается неслучайным образом соотношенным с наличием/отсутствием специфических средств грамматики.

Представляется, что продуктивнее говорить не столько о сложности, сколько именно о типе культуры. В частности, культуры могут быть в большей/меньшей степени ориентированы на диалог/монолог (при безусловной диалогичности любой культуры). Отсюда - большая/меньшая представленность дейктических/анафорических средств, а также дейксия/описания. Сопоставление параллельных текстов на русском и вьетнамском языках показало, что индекс анафоричности - число анафорических местоимений на одно предложение - в русском языке может вдвое превышать тот же показатель для вьетнамского языка. Вероятно вьетнамское высказывание более автономно по отношению к контексту, менее контекстно-связано, т.е. в большей степени ориентировано на диалог.

Еще один аспект, имеющий одновременно культурные и языковые грани, можно обозначить как большую/меньшую параллельность между глубинно-семантическими и поверхностно-синтаксическими структурами. В языках, которые используются культурами, обоснованно относимыми к архаическим, нередки правила построения текста по типу конкатенации элементарных структур "вместо" их вложения, ср. кхм. *ратхьянг-джнуа па:н пол я'а:нг лян* 'Автобус быстро помчался', досл. 'Автобус показ. перф.+ двигаться - вид быстрый'. Словообразованию (русскому, например) здесь может отвечать "малый синтаксис", ср. рус. *полотенце и бирн.*, кхм., тай. *платок (ткань) вытирать руки (лицо, тело)*.

Языки могут отличаться не только способом выражения семантики, но и самим соотношением выражаемого и невыражаемого (имплицитного); ср., например, рус.

посмотреть вверх и бирм. атхэ коу мо чи букв. 'поднять голову посмотреть вверх' (где употребление мо 'поднимать - о голове' обязательно). Ставя вопрос более широко, можно сказать, что существуют корреляции между языковыми способами выражения и таким феноменом, как соотношение слова (текста) и молчания, который важен для характеристики культурного типа.

А.Е Кибрик (Москва)

ТИПОЛОГИЯ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ: СИНХРОНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ

Согласно распространенной точке зрения, в типологии (в отличие от сравнительно-исторического языкознания) сопоставление языков осуществляется не только без ограничений на их генетические связи, но, более того в выборке обследуемых языков предпочтительно иметь представителей как можно большего числа языковых семей, так как в этом случае увеличивается вероятность обнаружения большего числа вариаций исследуемого явления.

Такой (вполне правомерный) подход иногда (неправомерно) абсолютизируется - утверждается, что сопоставление структурных характеристик родственных языков вообще не относится к области типологии, так как в этом случае полнота покрытия возможных языковых вариаций априорно ограничена родственным языковым материалом.

Этой точке зрения можно противопоставить следующие соображения.

Во-первых, практика типологических исследований свидетельствует, что выявление логически возможных вариантов реализации языковой структуры не сводится к сумме эмпирически обнаруженных реализаций и, в конце концов, исчисление типов, как правило, всегда осуществляется на базе ограниченного числа их эмпирических образцов, предсказывающих возможное существование еще не обнаруженных их коррелятов.

Во-вторых, исчисление пространства типологических возможностей не является конечной целью типологии, это скорее лишь первый этап типологического обобщения, за которым должна следовать детальная проработка всех точек этого пространства, так чтобы было обеспечено максимально точное его покрытие. В то же время выборочные данные языков разных семей достаточно плотного покрытия пространства типологических возможностей не гарантирует, и разброс типов может быть слишком велик (и типологически случаен), чтобы построить адекватное исчисление.

Когда общая схема варьирования рассматриваемого явления установлено, именно данные родственных языков в ряде случаев могут предоставить недостающую информацию для дальнейших типологических обобщений. Таким образом, типология родственных языков является существенным дополнением общей типологии. Особо следует отметить, что варьирование того или иного параметра в пределах родственной группы языков открывает особо благоприятные перспективы для эволюционной типологии: всякое такое варьирование является следом дивергентного развития, смены типа, и можно не только выделять элементарные шаги эволюционных процессов, но и определять их относительную хронологию.

Г. П. Клепикова (Москва)

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ
ЯВЛЕНИЙ ДИАЛЕКТОВ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА

Карпатский ареал может быть описан как генетически гетерогенное пространство, образуемое диалектами близкородственных языков (славянские), отдаленно-родственных (славянские-романские) и неродственных (индоевропейские-финно-угорские). Многочисленные исследования показывают, что в результате длительных этнолингвистических контактов, перекрестных взаимодействий

и интерференций языков в ареале создались условия для возникновения языковой общности конвергентного типа, реализующейся прежде всего на лексико-семантическом уровне. Аргументы в пользу существования подобной общности (или, по крайней мере, ее фрагментов) дает, в частности, и "общекарпатский диалектологический атлас" (=ОКДА), работу над которым завершает международный коллектив диалектологов.

1. Сравнительно-типологическое исследование л е к с и к и, отраженной на картах ОКДА подтверждает предположение о такой организации структуры словаря языковых общностей указанного типа, которая обладает высокой степенью синонимичности, при этом одной металексеме могут соответствовать несколько реальных лексем; число последних или равняется числу языковых групп, представленных в изученном диалектном континууме, или меньше его - при условии использования заимствований, или больше - за счет диалектной дифференциации (=диалектной синонимии).

2. Аналогичное изучение с е м а н т и к и в диалектах карпатского ареала показывает, что в его пределах для значительного числа лексем может быть выявлена семантическая амплитуда с достаточно большим набором единиц, которая рассматривается как общая модель (лексико-)семантической структуры данного диалектного континуума (=наддиалектная сетка-модель, "диасистема" и под.) и на которую ориентированы изменения, происходящие в структуре единичных диалектных систем (=говоров).

3. Наконец, на уровне общих п р и н ц и п о в н о м и н а ц и и, действующих в карпатском диалектном континууме, материалы ОКДА фиксируют случаи расширения ареала использования того или иного мотивационного признака (=внутренней формы), лежащего в основе соответствующих наименований, что в некоторых случаях может быть объяснено как следствие языковых взаимовлияний (и далее - заимствования указанного признака,

"калькирования"), а в других свидетельствовать о формировании общего корпуса "внутренних форм" и реальном функционировании языковой общности.

Н.А. Козинцева (С.-Петербург)
СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ
ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ

К одной из общих черт грамматической структуры балканских языков (албанского, болгарского, македонского) относятся выражение пересказывательности с помощью форм перфекта или формами специальных категорий, морфологически связанными с ним (адмиратив, эвиденциалис, статус и пр.). Семантическая связь перфекта и пересказывательности основана на том, что в обоих случаях действие в прошлом не дано в непосредственном представлении (Comrie, 1976). Для обоснования существующих гипотез о происхождении пересказывательных форм, а также их типологической характеристики представляется целесообразным сопоставление балканского материала с данными других языков. Материал древнеармянского языка в сопоставлении с современным армянским, в котором пересказывательность является одним из значений перфекта, позволяет выявить определенные условия, с которыми может быть связано развитие пересказывательного значения.

Цель настоящего сообщения - дополнить существующий список вопросов анкеты для описания пересказывательности в типологическом аспекте (Friedman, 1979) и дать ответы на некоторые из них, касающиеся материала армянского языка.

Формы перфекта современного армянского языка восходят к сложному прошедшему, образуемому с помощью причастия прошедшего времени на *-ea* и личных форм вспомогательного бытийного глагола-энклитики, который мог опускаться в форме третьего лица в повествовании. При решении вопроса о происхождении пересказывательного значения современного

перфекта необходимо учитывать как функционирование сложного прошедшего, так и употребления причастия прошедшего времени в роли независимого предиката, а также в функции зависимого предиката со значением предшествования. В произведениях эпической прозы допускалось употребление ряда причастных форм, передающих последовательные действия.

М. И. Лecomцева (Москва)

ТИП И ТИПОЛОГИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

1. Понятия типа и типологии выработались в исследованиях, связанных с толкованием Библии, и до сих пор эти понятия несут на себе печать провиденциальности. Они вошли во все европейские языки, приобретя более размытое значение, как видно, напр., в русском языке в контекстах "тип героя", "типичная ситуация", "не поддается типизированию".

2. Существенное развитие исследований по логике, связанное со школами Аристотеля, а затем Порфирия, привело к выделению как самостоятельной задачи и задачи выделения нахождения общего и специфического признака и определения класса, построенного на упорядочивании признаков. Однако уже Порфирий показал первые трудности, связанные со структурой дерева в рамках естественной классификации. Введение представления о естественных и искусственных классах, существенных и несущественных признаках - казалось некоторое время - устраняет эти трудности. Ярким достижением аристотелевской классификации стала классификация К. Линнея, послужившая образцом и для морфологической классификации в языкознании.

3. Однако уже в XVIII веке трудности, связанные с аристотелевской классификацией, прокладывают себе новое русло в способах подхода к их разрешению. Мишель Адансон.

описывая флору Африки, разрабатывает математические методы систематизации в "Семействах растений" (1763). Развитие ряда математических дисциплин привело к созданию в 60-е гг. XX века "квантитативной таксономии" - идеологии и классу алгоритмов, связанных с традиционными задачами классифицирования и типологизирования.

4. В отличие от аристотелевской классификации в рамках квантитативной типологии не требуется отличать существенные признаки от несущественных, однако само количество признаков ("желательно все" или статистически достаточно большое их количество) дает возможность с помощью выработанной методики распознать "образ", определить его границы. Если в традиционной типологии любое научное понятие давало свою типологическую проекцию (напр., выделение конструкции SVO давало соответствующий тип языка), то квантитативно образованный тип дает возможность подойти к формированию необходимых понятий на основе определения устойчивого сочетания признаков, является в сжатом виде "новой гипотезой". Исследования вероятностных импликаций - задача, поставленная В.Н. Топоровым в начале 60-х гг., - дадут возможность проверить существующие гипотезы и определить "зоны стабильности" и "зоны перехода" в существовании языка.

О.О. Лешкова

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ

Сопоставительное описание лексики нескольких языков имеет очень давние традиции, так как первыми по сути шагами в этой области были двуязычные переводные словари. Тем не менее в теоретических работах по сопоставительному описанию языков часто отмечается, что область лексической семантики в

сопоставительной лингвистике является менее разработанной, чем в фонетике, морфологии, синтаксисе и др. Неудовлетворенность достигнутыми результатами объясняется в первую очередь тем, что лексическая система - эта система особого типа, и непосредственное применение к ней постулатов конфронтации, выработанных прежде всего на материале сильно формализованных уровней языка, оказывается затрудненным или недостаточно эффективным. Современная конфронтационная лингвистика стремится к достижению все более высокой степени системности, генерализации и категоризации своих научных результатов, поскольку это позволяет от частных заключений перейти на уровень описания тенденций развития языка и его подсистем. Лексическая же система языка является достаточно аморфной по сравнению с системами других языковых уровней и более сложной, или более дискретно структурированной, является, иными словами, системой систем. Осознание этого факта приводит чаще всего исследователей к отказу от описания и сопоставления целостной структуры лексической системы, и ее исследование замыкается в рамках микро- и макроструктур различного порядка. Другой специфической чертой сопоставления лексической системы (ЛС) является преимущественно контрастивная ориентация исследования, что объясняется тем, что ЛС и ее элементы характеризуются высокой степенью идеоматичности. Исследования показывают, что степень семантической общности лексических единиц в близкородственных языках не намного выше, чем в языках неродственных.

Третий важный фактор, определяющий специфику сопоставления в лексике и в определенной степени препятствующий категоризации анализа, - это то, что сфера лексической семантики, в первую очередь область вторичных, переносных, образных значений подвержена влиянию индивидуальных, субъективных, а часто и внеязыковых факторов. Так, метафорическое

осмысление конкретной лексики может основываться на любой ассоциации, в том числе и ложной, а ассоциативные комплексы являются нестабильными. На этой основе возникают немотивированные асимметрии между формально или денотативно эквивалентными единицами.

Как представляется, преодолеть неизбежную - в силу специфики ЛС - фрагментарность и индивидуализированность описания можно лишь лексикографическими средствами, т.е. вернуться к истокам лексических сопоставлений, но уже на современном уровне. Попыткой целостного сопоставления ЛС двух языков должен явиться двуязычный сопоставительный словарь семантико-функциональных эквивалентов, где точкой отсчета является полевая структура и отражается структурная многослойность лексической системы.

Т.Н.Маляр, О.Н.Селиверстова (Москва)
СЕМАНТИКА "ДИСТАНЦИОННЫХ" ПРЕДЛОГОВ И НАРЕЧИЙ В РУССКОМ И
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.

Концептуальная картина дистанционно-пространственных отношений в русском и английском языках обнаруживает много общих черт.

В семантике обоих языков представлены как чисто дистанционные, так и дистанционно-пространственные оппозиции т.е. укладывающиеся не непосредственно на расстояние X и от Y-а, а на степень удаленности от Y-а того пространства S, в котором находится X, или той пространственной позиции, которую он занимает. К числу последних относится большинство из рассмотренных слов и их значений (*поблизости, вблизи, вдали* и т.д., *near, nearby, closeby* и т.д.). Расстояние между Y-ом и S может быть нулевым, что необязательно предполагает смежные положения X-а и Y-а (*у, около, возле, by, beside* - в одном из значений).

Сходными оказываются и основания, определяющие выделение S из более широкого пространства. S может вычленяться через отношение к Y-у: а) на основании близости к Y-у только по расстоянию (начиная от нулевого) (одно из значений *дег* и *около*); б) на основании тех особых свойств S, которые формируются Y-ом. Так, например, если с Y-ом конвенционально связан некоторый вид деятельности, Y может быть представлен как формирующий пространство с позицией "деятели": *у рояля, у станка, у штурвала* (У₁). Ср. *около станка* - нерабочая позиция. Y может также рассматриваться как формирующий тепловые, световые или в целом климатические характеристики S, а также душевную или духовную атмосферу (рус. *у камина, у моря, у самовара* (У₂), англ. *by the water, by the fire*).

Наряду с этим в основе членения пространства могут лежать чисто геометрические идеи, несвязанные с Y. Например, может выделяться пространство между двумя параллельными линиями, которое в свою очередь делится на позиции (рус. *рядом*, англ. *beside* - в одном из своих значений). Пространство может разделяться по вертикальным уровням (англ. *above, below, beneath*, рус. *выше, ниже*).

Различия между русским и английским языками по преимуществу касаются детализации общих признаков и распределения семантического содержания между отдельными словами (например, *at*, в отличие от рус. *у* задает позицию деятеля вне указания на включающее ее пространство. Отсюда *at the piano* может обозначать и позицию пианиста, и позицию певца - ср. *за роялем* и *у рояля*).

Т. Н. Моложная (Москва)

КОСВЕННЫЕ НАКЛОНЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Во всех славянских языках общепризнанно наличие двух косвенных наклонов - императивного (ИП) и сослагательного (СН).

2. В чешском, польском, сербохорватском и болгарском языках различаются две серии форм СН - сослагательное I (наст.вр) и сослагательное II (прош. вр.).
3. В болгарском языке можно признать существование еще одного косвенного наклонения - умозаключительного, или конклюдива.
4. Пересказывательные формы (ПФ) в болгарском и македонском языках составляют не отдельные наклонения, а особую грамматическую категорию - пересказывание, которой нет в других славянских языках.
5. Так наз. адмиратив и дубитатив в болгарском и македонском следует рассматривать как транспозицию ПФ.
6. Принадлежность конъюнктива (да-конструкции) к категории наклонения в болгарском и македонском не доказана.
7. Существование условного наклонения в двух его разновидностях в македонском языке вызывает сильные сомнения. Скорее это форма категорий времени и таксиса - будущего и будущего в прошедшем.
8. ИН во всех славянских языках выражается в основном синтетически. Аналитическими его формами (АФ) можно назвать с большой степенью осторожности лишь болгарские сочетания частиц *да* и *нека* со 2 л.ед.и мн.ч. и 1 л.мн.ч.наст.вр. и *недей/недейте*, с "сокращенным инфинитивом". СН же во всех языках выражается аналитически. Только в болгарском есть некоторые СФ, которые ряд лингвистов относит к СН.
9. Во всех славянских языках основным компонентом АФ косвенных наклонений является глагольная форма на *-л/-l* (по происхождению причастие).
10. В русском и македонском в качестве служебного компонента АФ СН используются неизменяемые частицы (*бы* и *би*). В остальных языках вспомогательный глагол изменяется по лицам и числам.
11. В русском, польском и чешском образуются сращения служебного компонента АФ СН с некоторыми частицами и союзами. При этом в чешском и польском, где служебный

союзами. При этом в чешском и польском, где служебный компонент изменяется по лицам и числам, данные сращения также оказываются изменяющимися по лицам и числам.

Ф.Я. Мухамеджанова (Москва)

ЕЩЕ РАЗ О ФАКТИВНОСТИ

1. В докладе утверждается, что в понятии "фактивности" в неявной форме соединены два признака, которые важно разграничивать: а) представление о том, что в исходной денотативной ситуации уже заложен "факт", который становится объектом отображения в сознании (этот признак приблизительно соответствует пресуппозиции истинности) и б) сам процесс воспроизведения этого "факта" в сознании, который не обязательно является успешным, т.е. приводит к верному его отображению. Вследствие этого возможны предложения типа *Он понимает развитие как серию катастроф.*

2. При разграничении фактивных и нефактивных предикатов авторы опираются в большей степени то на характеристики, связанные с признаком (а), то на характеристики, связанные с признаком (б), что и объясняет разные интерпретации одних и тех же глаголов. (ср. трактовку глагола *tell* у Вендлера и Кифера).

3. Отображение факта и формирование мнения должно быть связано с разными мыслительными процессами. Это позволило О.Н. Селиверстовой назвать фактивные предикаты глаголами проецируемого отображения (проекция "готового" факта в сознании), а нефактивные глаголы - глаголами конструируемого отображения (формирование суждения в виде синтеза разрозненных элементов информации).

4. Использование принятого понятийного аппарата позволило уточнить семантическое толкование *expect*, *guess* и *ожидать*, *догадываться*: *guess* - глагол конструируемого отображения в форме наст. времени и проецируемого отображения в форме прош. времени; *догадываться* - глагол проецируемого

отображения. *Expect* и *ожидать*, будучи глаголами конструируемого отображения, отличаются тем, что *ожидать*, как правило, показывает, что сформулированное суждение противоречит действительности, а для *expect* данный признак нерелевантен.

Т.М. Николаева (Москва)

ТИПОЛОГИЯ И ДИАХРОНИЯ

1. Очевидно, что в каждом языке на всех его уровнях есть факты и свойства, являющиеся универсальными, присущими всем языковым системам. Наличие этих элементов делает естественный язык языком. Очевидно также, что специфичность фактов системы одного какого-либо языка, связанного отношениями родства с другими языками, определяется тем "остатком", который выявляется при "вычитании" из его описания генетически родственных феноменов. Таким образом инвентарь языковой системы является при любой трактовке константным, однако количественная вариативность серий трех рядов: универсальное - факты языковой семьи - факты отдельного языка - может видоизменяться в зависимости от принятой теоретической установки и от состояния лингвистического знания. Основу баланса составляют отношения между универсальным и не-универсальным в языковой системе.

2. Если для синхронного описания в настоящее время накоплено относительно большое количество знаний об универсалиях, то для диахронии - и в конечном счете для реконструкции - список универсалий (т.е. общих для всех языков фактов изменения) практически только начинает создаваться.

Возможно предположить, что при установлении диахронических универсалий будут разделены, как в теории, так и в фактическом описании, материальные элементы системы (корнесловы, например) и элементы реляционные. К

последним относятся и порядок слов в словосочетании и предложении, введение или элиминирование разного рода актуализаторов и т.д. Именно реляционные компоненты отражают в значительной мере этапы ментальной эволюции, и их совпадение в меньшей степени, чем совпадение материальных частей, может быть доказательством общности генетической истории.

3. Расширение инвентаря диахронических универсалий может коренным образом изменить представление о верификации родственных связей языков. Например, в настоящее время предложена гипотеза единого для всех языков тоногенеза (Ж. Гомберт - Дж. Охала), восходящая к повышению тона гласных после глухих консонантов/понижению после звонкого. Таким образом, обнаружение тонов само по себе практически является только доказательством того, что данный язык находится на этапе тонального состояния, т.е. очевидный факт. Более интересным в данной сфере является ответ, например, на такие вопросы: 1) почему одни языки сохраняют тоны, а другие - нет, 2) почему балтийские музыкальные акценты как бы обратны славянским? и под.

Важно и то, что в языковом изменении одни и те же явления могут изменять свою функциональную квалификацию. Так, например, ударение из фактора чисто фонетического становится и феноменом морфологического, лексико-грамматического и словообразовательного уровней (см. работы В.А. Дыбо и его школы), оно может приобретать и категориально-семантическую нагрузку (см. работы А.А. Зализняка).

4. Наиболее сложным вопросом изучения языковой истории в настоящее время является вопрос о том, действительно ли факты современной нам языковой типологической картины служат доказательством того, как мог быть реконструирован тот или иной фрагмент восстанавливаемого языка. Иначе говоря, имеем ли мы право отказывать языку в тупиковых решениях и феноменах, впоследствии исчезнувших из языковых систем современности?

Между тем такие исчезающие явления зафиксированы для многих участков биоэволюции и истории человеческого творчества (подобная верификация не требуется в смежных языкознанию науках: истории литературы, истории искусства и т.д.). Создается впечатление "игры" с объектом: по сути типологические факты современных языков могут нечто реконструировать только в том случае, если признать восстанавливаемый язык эволюционно идентичным. Иначе говоря, вопрос ставится так: правомочно ли всякое "нет" расширять в "и не было"? Как представляется, подобный подход перекрывает путь возможным новым, хотя бы и дискуссионным гипотезам о моделях языковых изменений (вспомним, в частности, смелую и подтвердившуюся гипотезу Ф. де Соссюра о "сонантическом компоненте").

Б.Ю.Норман (Минск) *

СИСТЕМА ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

На сегодняшний день синтаксис остается наименее разработанной частью сопоставительной грамматики славянских языков. В том числе представленная в исследованиях различных авторов система членов предложения различных языков выглядит почти идентичной. Причина этого - в мощном греко-латинском "субстрате" грамматической теории, закрепленном действием синтаксической традиции XIX - XX века.

В частности, если судить по капитальным описаниям, система членов предложения в русском и болгарском языках различается единственно наличием в болгарском особого члена предложения - "сказуемого определения" (в русской грамматической традиции ему соответствует именная часть сказуемого). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что мы имеем дело с сугубо специфическими системами, сформировавшимися в результате взаимодействия

оригинальных процессов, протекающих в морфологии, лексике, семантике каждого языка (так, для болгарского языка это сокращение флективной парадигмы имени, изменение функций личностоименных форм, ограничения в словопорядке и т.д.).

Если оставаться в рамках привычной терминологии, то окажется, что в современном болгарском языке, наряду с обычным подлежащим, есть "нечто типа подлежащего", т.е. член предложения, не вполне строго соответствующий данной синтаксической категории. Речь идет о конструкциях типа *Страх го било, много се хабяло ток, Ставало дума за...* и т.п., где отсутствие согласования между глаголом и именем указывает на специфическую роль последнего. Точно также пример вроде *черпя го цигага, дарявам го риза, записвам я литература, питам го нещо, уча го това* и т.п. требуют уточнения самого понятия прямого дополнения. Очевидно, за привычным термином здесь скрывается противопоставление по крайней мере двух синтаксических сущностей (важнейшим инструментом для разграничения которых служит возможность замены имени личностоименной клитикой). Наконец, расширение функций беспредложного имени приводит к изменению грамматической природы обстоятельства, или во всяком случае служит сближению его функций с иными синтаксическими функциями - ср. примеры типа: *семейството пее дует, давам пшонка авис, возя дърва контрабанда, преселването става делник, работа нощна смяна, отивам командировка* и т.п.

Все это говорит по меньшей мере о том, что в системе членов предложения современного болгарского языка семантические роли ("глубинные падежи") допускают значительно более широкое и многообразное, в сравнении с традиционными представлениями, выражение.

К ОПИСАНИЮ ТИПОЛОГИИ ВНУТРИГЛАГОЛЬНЫХ ДЕРИВАЦИОННЫХ (В ТОМ ЧИСЛЕ И ВИДООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ) В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В современной славистике по-прежнему актуальной остается задача выработки общей концепции славянского глагольного вида с учетом системного сходства и имеющихся различий в образовании и употреблении видов в отдельных славянских языках, в которой нашли бы отражение все стороны данной сложной и многоплановой категории в их взаимосвязи. Решению данной общей проблемы служит описание внутриглагольных словообразовательных систем славянских языков на базе деривационно и аспектуально релевантной семантической классификации глаголов.
2. Видообразование в славянских языках - составная часть внутриглагольной деривационной системы, поэтому образование видовых пар глаголов и семантику видовых оппозиций целесообразно рассматривать в системе семантико-словообразовательных модификаций глаголов.
3. Семантико-словообразовательные модификации глаголов в славянских языках зависят от формальных (наличие/отсутствие приставок, определенных суффиксов, препятствующих вторичной имперфективации) и семантических факторов. Изучение влияния последних позволяет посмотреть на глагольное видообразование и словообразование нетрадиционно: не "от формы" (префиксы) и не "от значения" (способы глагольного действия), а от мотивирующего глагола, его лексического значения. Такой подход отвечает задачам активной грамматики, так как позволяет не абстрактно, а конкретно ответить на вопросы, как выразить фазисные, результативные, пространственные, обстоятельственные, количественные, оценочные модификации данного конкретного глагольного действия. Семантическая классификация исходных мотивирующих глаголов на основе их потенциальной способности к внутриглагольному словообразованию позволяет сформулировать определенные

правила видообразования и регулярных словообразовательных модификаций (с учетом нормативных лексических ограничений на сочетаемость морфем).

4. Решение названных проблем в отдельных славянских языках дает возможность построить типологию глагольных деривационных (в том числе и видообразовательных) систем, выявить и систематизировать сходства и различия между отдельными славянскими языками.

В.Ю.Плоткин (Новосибирск)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АНАЛИТИЗМА И СИНТЕТИЗМА В БАЛКАНСКОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ

В истории и современном состоянии словоизменительной морфологии балканских языков наблюдается сложное переплетение процессов аналитизации и синтетизации. Оно наиболее заметно в синтетизации возникающих аналитических форм, которые весьма характерны для славянских и романских языков (в отличие от германских, где синтетизация аналитических форм встречается гораздо реже). Одной из особенностей балканских языков можно считать наличие аналитических форм, заметно продвинувшихся на пути к синтетизации, но не достигших ее завершения; им присущи такие черты, как дивергенция вспомогательного глагола с тем же глаголом в самостоятельном употреблении, резкие ограничения на дистантное расположение двух компонентов формы, необходимость повторения вспомогательного глагола при однородности. В балканском ареале это свойственно как перфектным, так и футуральным формам, тогда как в Западной Романии первые отчетливо аналитичны, а последние полностью синтетизированы.

Взаимодействие двух противоположных тенденций может также проявляться в конвергенции образующихся аналитических форм со старыми синтетическими, при которой происходит своего рода встречное движение - аналитические

формы подвергаются неполной синтетизации, а в старых синтетических формах флексия преобразуется во второй компонент композитной словоформы, т.е. продукта словосложения знаменательного и вспомогательного глаголов. Подобной конвергенции подверглись, например, румынские формы аналитического перфекта и старого имперфекта, где одна и та же морфема выступает в препозиции к знаменательному глаголу как вспомогательный глагол, а в постпозиции к его основе - как компонент синтетической, но уже не флективной словоформы. Сходные конвергентные явления обнаруживаются в одном германском ареале - в Скандинавии, где известны любопытные типологические эволюционные параллели к языкам Балканского полуострова.

Т.В.Попова (Москва)

К ВОПРОСУ О СИНХРОННОЙ ЧЛЕНИМОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВОФОРМ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Одним из условий сопоставительного изучения морфологической и морфонологической структуры славянских языков является такой процедуры морфологической членимости слов и форм, которая в каждом из языков основывалась бы на одних и тех же принципах. Данное требование в плане морфонологии обусловлено необходимостью однозначного определения морфологической позиции тех чередований, которые служат объектом сопоставления в анализируемых славянских языках.

В глаголе зоной морфонологических модификаций является, как правило, глагольная основа. Именно поэтому анализ морфонологической структуры глагольных парадигм должен начинаться с процедуры вычленения глагольной основы, определения ее морфемного состава и допускаемых системой формальных преобразований.

Мы исходим из признания единой глагольной основы, реализующейся в одном или нескольких конкретных вариантах. При этом строго синхронное исследование структуры глагола в славянских языках позволяет применить нетрадиционный, но одинаковый во всех языках принцип морфемной сегментации глагольных словоформ, основанный на принципиальной допустимости перераспределения морфемных границ и вычленения во всех без исключения глагольных словоформах структурного элемента, завершающего основу, который мы условно назвали "процессуальным суффиксом" (ср., например, в русском лит. *пе/ѣ/-чь*, *пек/ѣ/-у*, *печ/ѣ/-ёшь...*, в болгарском лит. *пек/о/-х*, *пек/ѣ/-а*, *печ/ѣ/-еш...*, где процессуальный суффикс дан в косых скобках).

Такой подход обеспечивает полную сопоставимость морфологических и морфонологических элементов в структурной организации однозначных глагольных форм в славянских языках.

3. Рудник-Карват (Москва)

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОПИСАНИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. В докладе предлагается опыт теоретико-методологической разработки сопоставительного словообразования современных славянских языков. Определенную роль играет созданная нами рабочая модель описания.

2. При сопоставительном анализе возможны два подхода: от формы к смыслу и от смысла к форме. Создание сопоставительного описания на формальном основании для конкретных, частных задач можно считать целесообразным, но его теоретическая и практическая ценность невелика.

3. Подход от смысла к форме применяется в новейших работах по синхронному описанию словообразования. В нашем описании ему отдается предпочтение. Отправным пунктом

сопоставительного исследования являются производные предикатно-аргументные структуры. Как инструмент анализа используются семантические роли аргументов.

В исследовании уточняются понятия: словообразовательной категории, категориального словообразовательного значения, словообразовательной субкатегории, словообразовательного значения и устанавливаются связи между ними.

Применяемая нами модель, в основе которой лежит семантико-синтаксический подход, допускает, при дальнейшем анализе, возможность использования семантико-парадигматического метода. Итак, на разных этапах исследования могут быть использованы разные дополняющие друг друга подходы.

Т.Н.Свешникова (Москва)

РАНГОВАЯ ГРАММАТИКА РУМЫНСКИХ И БОЛГАРСКИХ КЛИТИК

В структуре балканского текста важное место занимают клитики (одно-двусложные слова - предлоги, союзы, местоимения, частицы, образующие довольно большие группы, в которых каждый элемент занимает строго определенное место). Один из возможных способов описания таких комплексов - ранговая грамматика, или грамматика порядков (ср. работы Ревзина - Юдашевой; Свешниковой). В данном исследовании такой подход применяется к румынскому и болгарскому материалу; рассматриваются группы клитик, центральным элементом которых являются показатель конъюнктива *яй* в румынском и союз *да* в болгарском. Эти группы порождаются двумя простыми таблицами порядков

Румынский

порядок клитика	-2	-1	0	+1	+2.1	+2.2	+3.1	+3.2	+4
	nu	fara	sa	nu	imi	imi	mă	mă	cam
					iți	iți	te	te	mai
					ii	isi	fl. o	si	prea
					ne	ne	ne	ne	și
					vă	vă	vă	vă	tot
					le	iși	ti, le	se	

Болгарский

порядок клитика	-2	-1	0	+1	+2.1	+2.2	+3.1	+3.2
	не	без	да	не	ми			ме
					ти			те
					му	си	си	го се
					й			я
					ни			ни
					ви			ви
					им			ги

Представленный метод анализа групп румынских и болгарских клитик и попытка установить их иерархию является одним из возможных способов решения проблемы так называемых неполнозначных слов в ее грамматико-типологическом аспекте.

И. А. Сedaкова (Москва)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В
БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Синтаксическая и семантическая транспозиция общеславянских слов представляет богатый материал для исследований в области сопоставительной лексикологии. Известно, что одна и та же лексема в славянских языках нередко имеет различные значения (вплоть до межязыковой

омонимии), словообразовательные гнезда и стилистические характеристики и др.

В докладе рассматриваются номинативные процессы с использованием общеславянского термина родства баба на материале русского и болгарского языков. Лексема баба обладает развитой полисемией и омонимией, имеет множество дериватов и используется в качестве метафорических и табуистических обозначений. Согласно В.Махеку, баба у всех славян имеет одинаковое первичное и сходные производные значения. Действительно, для развития семантики баба характерны общие тенденции, которые в славянских языках получают частные модификации. Так, баба и ее дериваты входят в состав лексико-семантических групп "Флора", "Фауна", "Домашняя утварь" и др., однако в болгарском и русском языках эти лексемы соотносятся с различными денотатами, являясь, таким образом, межъязыковыми или междиалектными гипонимами.

Значительные расхождения наблюдаются в использовании баба и ее дериватов в лексике народной духовной культуры славян (обозначения ряженых и демонологических персонажей, календарных праздников и поминок и др.).

Привлечение диалектной лексики русского, болгарского и других славянских языков позволяет выявить изолексы и изосемы, наглядно демонстрирующие сходства и различия номинативных процессов, в которых участвует общеславянская лексема баба.

Л.Н.Смирнов (Москва)

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.

1. В докладе рассматриваются некоторые направления и аспекты синхронно-сопоставительного (сравнительно-сопоставительного, конфронтационного, контрастивного) изучения словарного состава славянских языков,

представленные в трудах словацких и чешских лингвистов, которые вносят большой вклад в разработку теоретических, методологических и методических принципов синхронно-сопоставительных исследований, уделяют значительное внимание выявлению специфики сопоставительного анализа лексики близкородственных языков.

2. Характерная черта современных сопоставительно-лексикологических исследований чехословацких лингвистов - последовательный системно-функциональный подход, проявляющийся при анализе и описании лексических единиц и частных лексических систем. В этом плане важное значение имеют признание системного характера лексики, глубокая разработка соотношения ономаσιологического и семасиологического аспектов сопоставления, разграничения экстерных и интерных функций лексических единиц, сочетание внутриязыковой и межъязыковой конфронтации, характеристика исследуемых единиц и звеньев словарного состава по отношению к центру и периферии системы и др.

3. При рассмотрении принципов и методов унилатерального и полилатерального межъязыкового сопоставления лексики серьезное внимание уделяется теоретическому осмыслению таких принципиально важных понятий, как основание для сравнения (*tertium comparationis*) и эквивалентность, которые при синхронно-сопоставительном изучении словарного состава имеют специфическое содержание. В этом отношении несомненный интерес представляет, в частности, выделение в качестве *tertium comparationis* так называемой "лексии", а также выявление степеней эквивалентности (симметрической, симметрическо-асимметрической и асимметрической), что имеет не только теоретическое, но и прикладное значение (при составлении двуязычных переводных словарей).

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ФИТОЛЕКСИКИ

Значительную часть русской и болгарской ботанической лексики составляют производные слова с прозрачной внутренней формой. Выделяются следующие принципы номинации:

I. По характерному признаку: а) по цвету; б) по вкусу; в) по запаху; г) по форме.

II. По свойствам растения: а) по времени роста; б) по месту произрастания; в) по происхождению.

III. По функции: а) по назначению растения; б) по действию, производимому растением; в) по действиям, производимым над растением.

И в русской, и в болгарской фитолексике в качестве словообразовательной основы выступают преимущественно имена существительные и прилагательные, отглагольные термины встречаются редко.

В докладе представлен подробный сопоставительный анализ набора словообразовательных средств, используемых для образования ботанических терминов в русском и болгарском языках. При очевидном сходстве суффиксов и окончаний различается их продуктивность и частотность. Кроме того, в болгарской фитолексике встречаются заимствованные суффиксы (греч. *-ида, -ада, -еда*; тур. *-иш, -лык* и др.).

В целом болгарская и русская ботаническая лексика характеризуется устойчивостью словообразовательной и смысловой структур, общих для славянских языков.

Ю.Е. Стемковская (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СУФФИКСОВ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЧЕШСКОМ И СЕРБСКОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

Функционирование субстантивных иноязычных суффиксов (ИС) в чешском и сербскохорватском языках рассматривается в различных аспектах взаимодействия ИС с принимающей

языковой системой. Общим в функционировании ИС в сравниваемых языках, в частности, является:

1. Подчинение заимствованных слов и в их составе ИС графическим, фонетическим, акцентуационным и морфологическим закономерностям принимающей языковой системы. У некоторых ИС этот процесс еще не завершен, что проявляется в сосуществовании вариантов морфем и акцентных моделей, имеющих различную сферу употребления, частотность: чеш. *mapazeg* и *mapazeg*; с.-х. *лаборант* и *лаборант* и др. Специфика традиций формального освоения иноязычных слов и морфем приводит к различиям морфемного состава, морфологической характеристики соотносительных иноязычных слов данных языков.

2. В качестве мотивационной базы дериватов с ИС в рассматриваемых языках выступают имена существительные, прилагательные, глаголы. В чешском языке при образовании стилистически маркированных гибридных наименований возможно расширение мотивационной базы за счет предложно-падежных сочетаний и словосочетаний (*zabukismus* и др.).

3. Не присоединяются к славянским мотивирующим основам те из ИС, которые не сочетаются со свободными мотивирующими основами иноязычного происхождения. Отличительной особенностью ИС в сербскохорватском языке является их высокая активность при образовании неслогизмов от исконных мотивирующих основ (*бежанција изборитис* и др.).

4. Различия систем словообразовательных значений соотносительных ИС связаны с возможностью ИС одного языка приобретать новые словообразовательные значения и формировать специфические словообразовательные типы, не имеющие аналога в другом языке.

Т.М. Судник (Москва)

ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ

Речь идет о ранее не отмечавшейся в белорусской диалектологии синтаксической особенности - отсутствии т.н.

множественного (кумулятивного) отрицания в говорах, контактирующих с литовским и польским. Материал группируется по двум типам конструкций: (1) в общеотрицательном предложении частица *не* отсутствует перед сказуемым, если оно находится в постпозиции к однородным членам, связанным парным союзом *ні ... ні (ані...ані): ні наша дзиды, ні прадзяды помняць: ані прасць, ані ткаць трэба трэз* (Пеляса); (2) частица *не* не употребляется в эмфатически интонируемых предложениях и при единичном *ані* (усиленное союзом *а* отрицание *ні*, ср. *аніхто, анічога, аніяк, аніколі, анідзе*), вынесенном в начало предложения: *ані вы слухайця! ані ён табе крыуду якую зрабіў* (Гервята).

В случае (1) можно предполагать инновацию под влиянием литовского (ср. пеляск. *nei musu dziedai, nei prods'adai m'ana*, то же в литер. языке и в говорах, где *nei* широко заменяется слав. заимствованием *ані* или гибридами *аней* и *але*). Но следует иметь в виду и типологически близкие белорусские и - шире - славянские данные: спорадически фиксируемые обороты без отрицания при сказуемом в говорах Гродненской, Витебской, Могилевской обл. (ср. у Носовича: *ани труни дэблаць кому, ани ямы копаць*), фразеологизмы (ср. *нідзе дзенецца*), примеры из ст.-блр. письменности (В.И. Борковский): польские свидетельства - ср. диал. (краковск.: *Konie ani z miejsca rusz* (SI. gwar polskich, I, z. 2, s.120) и ст.-польск.: *ani tam lekarz pomaga gdzie duzsa niemoze* (SI. XVI w., I, s. 164), *ani miecz ostry, ani mię bursa zmut odmetem ustraszu* (F.D. Kniaźnin); непарное отрицание (*нигде возьмешь*) в с.-в.-р., ср.-в.-р., изредка в ю.-в.-р. говорах, в др.-рус. памятниках, наконец, ст.-слав. отрицательные конструкции (ср.: *йже ни видѣти мѡгѣтъ, ни слышати, ни ходити; ни во іѣли толики вѣри ѡбрѣтохъ; и никомѣ же ничтоже рѣша*).

Т.С. Тихомирова (Москва)
О НЕКАТЕГОРИАЛЬНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПОЛЬСКИХ И РУССКИХ
ТЕКСТОВ

Сопоставительный структурный и функциональный анализ близкородственных языков не может ограничиваться лишь уровнем системы. Даже изофункциональность тех или иных грамматических типов, фиксируемая в парадигматике, не означает совпадения их в лексемном составе реализации в синтагматике, что выявляется, в частности, в случаях, когда семантическая адекватность параллельных текстов сопрягается со структурными различиями в их компонентах. Знаменательны расхождения, обусловленные не просто отсутствием в другом языке аналогичных структур (напр., действительного причастия прошедшего времени в польском языке, форм давнопрошедшего времени в русском и т.п.), но являющиеся довольно устойчивыми типами некатегориальных эквивалентов, т.е. случаи, когда эквивалентность текстов - при наличии в языке соответствующих образований - достигается за счет слов, принадлежащих к разным частям речи, напр., *być zgodnym* 'соответствовать', *umrzeć młodo* 'умереть молодым', *szczotka do zębów* 'зубная щетка', *zbadać mikroskopowo* 'исследовать при помощи микроскопа' и т.д. Анализ таких межъязыковых категориальных расхождений (на уровне определенных ограниченных элементов текста) позволяет вскрыть сложную зависимость между грамматическим и лексическим своеобразием языковых единиц и их выбором в контексте. Наличие таких некатегориальных эквивалентов свидетельствует не только о существовании в языке для некоторых частей речи совместных функциональных зон и лексико-синтаксической условности их границ, но и в возможном несоединении этих зон в сопоставляемых языках. Это, подтверждая факт неодинаковой лексической репрезентации системных явлений (В.Барнет), требует также выделения при сопоставительном грамматическом анализе особого уровня сравнения - уровня лексической

представленности, причем применительно к категориям разного типа - словообразовательным, морфологическим, синтаксическим - значимость лексической репрезентации имеет не только различную степень, но и различный характер.

С. М. Толстая (Москва)

К ТИПОЛОГИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ: DEVERBATIVA НА
*-ENĚJE

В ряде славянских языков при образовании имен на *-enĚje от i-глаголов происходит чередование конечной согласной основы по типу "йотации", т.е. в соответствии с моделью изменения праславянских сочетаний "согласный+j", ср. рус. *будить - бужение, кормить - кормление, носить - ношение, воскресить - воскрешение* и т.д. Производные от консонантных (атематических) глагольных основ и от основ на *nġ йотации не знают, ср. рус. *вести - ведение, мести - метение, везти - везение, нести - несение, уснуть - успление, воскреснуть - воскресение* и т.д. Отсутствие йотации в этих глаголах характерно практически для всех славянских языков и потому не может служить типологическим критерием, тогда как йотация основ i-глаголов обнаруживает непоследовательность и распределяет славянские языки между двумя полюсами: моделью с регулярной йотацией и моделью с полным отсутствием йотации. Абсолютная регулярность йотации характерна для старославянского, русского и польского языков (ср. ст.-слав. *твор'еннѣс*, но *бореннѣс*, *хух'еннѣс*, но *колениѣс*, *томл'еннѣс*, *кроп'еннѣс*, но *успеннѣс*, *ослаб'ение*, но *погребеннѣс*, *избавл'еннѣс*, *посещеннѣс*, но *обретеннѣс*, *кажденнѣс*, но *паденнѣс*, *угашеннѣс*, но *принесеннѣс*, *погрѣженнѣс* и т.п.). Близки к ним белорусский и сербско-хорватский (устранены результаты йотации *r), украинский (устранена мягкость *rj, lj, nj) и словенский, где отсутствует йотация *t (ср. *zaštitenje*, *pobratenje* ← *zaštiti*, *pobratiti se*) и непоследовательны

рефлексы *dj (ср. *začudenje* ← *začuditi*, но *zamujenje* ← *zamuditi*). На противоположном полюсе находятся словацкий и македонский языки, устранившие в интересующих нас дериватах все следы йотации, ср. макед. *делене*, *хранене*, *кумене*, *кипене*, *лубене*, *правене*, *китене*, *судене*, *квасене*, *возене*, *гостене*, и т.п. К ним примыкает болгарский, сохранивший йотацию только в церковнославянизмах и русизмах. В чешском следы йотации остались лишь в серии *t, d, s, z, а также у *r (*placelí, buzení, počení, paražení, važení*), но устранили в серии губных (*krmení, vystoupení, oslabení, mluvení*) и у *l, n.

В. С. Храковский (С.-Петербург)

УСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (ПРОБЛЕМЫ
ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

1. В соответствии с рабочим определением условная конструкция (УК) — это такая бипредикативная конструкция, обе части которой (и зависимая часть, выражающая условие (р), и главная часть, выражающая следствие (q)) характеризуются говорящим по отношению к миру не как действительные, а как возможные, или нефактивные, см. (1), (2), (3)

2. УК является неоднородным с формально-синтаксической точки зрения. В рамках традиционной классификации различаются: 1) сложно-подчиненные предложения — (1) *Если будет хорошая погода, (то) мы поедем за город.* 2) осложненные предложения, т.е. простые предложения с деепричастным или причастным оборотом — (2) *Болтая с тобой, грибов не наберешь.* 3) Простые предложения с обстоятельством — (3) *Без положительного ответа мы не получим визы.* Простые предложения типа (3) в принципе не относятся к числу исходных, прототипических УК.

3. В основу исчисляющей классификации УК положены 4 параметра. Первый параметр - отношение к миру гипотезы, высказываемой в УК. Данный параметр принимает 2 значения. Второй параметр - таксисная зависимость между р и q. Этот параметр принимает 3 значения. Третий параметр - временная отнесенность р и q. У данного параметра 9 значений. Четвертый параметр - кратность р и q. У этого параметра 4 значения. Исчисляющая классификация включает (2x3x9x4) 216 моделей, из которых реально функционирует 106 моделей.

4. Формальная специфика УК, составляющая основу для их типологической характеристики, устанавливается при анализе того, как реализуемые модели исчисляющей классификации функционируют в конкретных славянских языках и какие формальные средства (союзы, видо-временные формы глагола, порядок следования частей УК и т.п.) используются для их маркировки.

С.С.Хромов (Москва)

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ ПОИСКОВ ИНТОНАЦИОННЫХ УНИВЕРСАЛИЙ

Проблемы описания интонации в языках различных типов в основном можно свести к решению трех задач: 1) поиски универсалий; 2) поиски интонационного типа; 3) поиски индивидуально-специфических особенностей интонации того или иного языка. Проблема поиска универсалий не нова и получила достаточное освещение в лингвистической литературе. В настоящем докладе мы не претендуем на полное освещение затронутого вопроса. Наша задача гораздо скромнее: на основе описания интонационных систем ряда языков Африки и русского языка, а также опираясь на данные исследователей других языков, попытаться выдвинуть свою гипотезу о некоторых универсальных интонационных характеристиках.

1. Универсалии, касающиеся интонационных противопоставлений в парадигматике и их реализация в синтагматике.

2. На интонационном уровне языка также действует обещлингвистический принцип: языковые средства, которые мало или совсем не используются на одном уровне, реализуются на другом уровне языка. Что касается функционирования интонационных параметров, это правило может трансформироваться в следующее утверждение: чем больше ограничены возможности функционирования одного компонента интонации, тем более функционально нагруженными оказываются другие компоненты.

3. Закон взаимокомпенсации между суперсегментными и лексико-грамматическими средствами языка. Этот закон хорошо известен как "принцип замены" А.М.Пешковского.

4. Анализ интонационного оформления основных коммуникативных типов высказываний в различных языках позволяет сделать предварительный вывод об универсальности такого дифференциатора, как уровень частоты основного тона на релевантном участке фразы при дифференциации общего вопроса и повествования.

5. Минимальной единицей интонационного членения звукового потока является синтагма в щербовском понимании этого термина.

К.Г.Чинчлей (Кишинев)

ПЕРЕХОДНОСТЬ ТИПА ИЛИ ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ?

(РУМЫНСКО-РУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)

Румынский язык, хотя и принадлежит к романским языкам, считающимся языками-"иметь" (ср. известную классификацию языков на языки-"иметь" и языки-"быть"), не является эталонным представителем этого типа. Так, румынский использует бытийные конструкции там, где другие языки-"иметь" употребляют конструкцию обладания: в предложениях со значением временного обладания, синкретичным со значением локализации, (ср. англ. *John has our tickets* - рум. *Biletele noastre sînt la Ion*);

при этом обладатель сохраняет (семантическую роль в актантной рамке глагола (ср. англ. *She has her hands dirty*, франц. *Elle a les mains sales* - рум. *Mînilie i-s murdare*, с Dat. possess. обладателя) (здесь нет возможности семантическом и функциональном различии между параллельными бытийными конструкциями и конструкциями обладания в румынском): ср. также языковые импликации, связанные с этим делением, в частности, широкое использование для передачи модального значения, наряду с "иметь", безличного глагола *trebuie/trebuia* (ср. с рус. *надо/надо было*).

Предметом более подробного анализа в докладе послужили румынские бытийные и некоторые другие предложения с обладателем, выраженным предложной конструкцией (*la X*). Статус этих конструкций является в некоторой степени спорным, поскольку, как утверждается, конструкция *la X este/sînt* противоречит норме румынского языка, являясь калькой с русской конструкции "у X есть". Отчасти это верно: актуализация отношения вневременного обладания X-а Y-ом (в широком смысле) в румынском языке строится не по бытийному типу, а по типу обладания, ср. хрестоматийный пример **La noi este bere - avem bere*. Указанная конструкция становится возможной в предложениях типа *La noi la facultate sînt pedagogi de forță*, где на первый план выходит признак экзистенциальности (с которым признак possessивности обычно совмещен), существования Y в пространстве, связанном с X (ср. с атрибутивно выраженным X в *la facultatea noastră sînt pedagogi de forță*). Указание на физическое пространство может отсутствовать, как в известном стихотворении О.Гога *La noi: La noi sînt codri versi...* (ср. *Noi avem codri versi*). Автор предпочел эту конструкцию конструкции обладания не только потому, что она сочетается как с бытийным предикатом, так и с событийными предикатами, что позволило ему вывести X в

общую тему стихотворения, как "заинтересованного" актанта, но и потому, что X не должен был предстать как субъект деятельный, активный - характеристика зачастую присущая субъектному актанту (ср. его же стихотворение *Noi vrem rămint!*). Этот признак, связанный с волей X проступает и в фразеологических сочетаниях с глаголом "иметь" (напр. *Noi avem dreptul, noi avem nevoie*), а также в конструкциях с пассивным перфектом: ср. *Le aveam pe toate pregătite, legate, împachetate* и *Le aveam pe toate răscolite, imprăştiate (de cineva)*.

В докладе рассматриваются факторы прагматического характера, связанные, например, с правильностью конструкции *La noi este* и неправильностью *La mine este*, а также другие моменты, позволяющие ответить на вопрос: на сколько и когда конструкция *La X* (где X - обладатель) соответствует норме румынского языка, т.е. является свидетельством его принадлежности к переходному типу, и когда это результат языковой интерференции?

А.Г. Широкова (Москва)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СИНХРОННОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Универсальный прием сравнения не может вскрыть, а тем более объяснить сущности сходств и различий между сопоставляемыми языками, если он не базируется на научных принципах анализа.
2. Для сопоставительного изучения родственных языков важно различение системы и структуры языка, как внутренней организации системы, а также определение основных областей сопоставительного анализа: а) системы/микросистемы языка и б) области функций элементов системы.
3. Особенности конфронтации системной и функциональной.
4. Необходимость отделения научных методов как формы научного мышления, орудия познания и объяснения языка, его

внутренних связей и особенностей функционирования от частных методов и приемов, технических процедур сбора и первичной обработки материала, которые являются предметом методики. (ср. постоянно упоминаемые в работах "метод сплошной выборки", "метод непосредственного наблюдения", "описательный метод" и т.п.).

5. Системно-структурный и функциональный методы как основные научные методы синхронного сопоставительного изучения близкородственных славянских языков. Сферы их применения. Смещение акцентов при анализе системно-структурном и функциональном. При структурной близости систем родственных языков центр тяжести перемещается на конфронтацию функциональную.

6. Связь частотности языковых явлений с функциональной стороной языковой системы. Частотность и стилистическая нейтральность/маркированность грамматических явлений.

7. При выявлении функциональной значимости, семантического потенциала изучаемых и сопоставляемых языковых объектов важно принимать во внимание речевые условия их употребления, их дистрибуцию.

8. Правильность и эффективность сопоставительных исследований требует, чтобы языковые явления изучались в условиях, обеспечивающих их адекватное толкование. Для этого необходимо установить ключевые понятия сопоставительного языкознания - исходную базу сравнения (*tertium comparationis*) и функционально-семантический эквивалент.

9. При сопоставительном изучении грамматического строя славянских языков необходимо учитывать взаимосвязь и взаимозависимость различных языковых уровней, так как передача близких значений и лингвистически релевантных явлений в сопоставляемых языках может осуществляться средствами разных уровней.

10. При выявлении функционально-семантического потенциала сопоставляемых категорий и их форм важно принимать во внимание асимметрический характер формы и содержания.

СОДЕРЖАНИЕ

Н.Ф. Алиева Выделение доминантных черт в строе отдельного языка как метод корректного представления дескриптивного материала в типологии.....	3
И.Ф. Андерс Структурные модели деагентивных предложений в славянских языках (чешско - украинский сопоставительный план).....	4
А.В. Бондарко . К проблеме стратификации семантики.....	5
И.А. Васюкова . К типологическому методу описания предложно-именных субстантивных синтаксисов болгарского языка и их русских эквивалентов.....	6
Г.К. Венедиктов . О семантических особенностях парных глаголов движения в славянских и литовском языках.....	7
А.В. Головачева . Типология семантико-синтаксических структур, выражающих посессивность.....	8
В.А. Головин . Актуальные проблемы типологической паспортизации.....	9
Е.И. Демина . Сопоставительный метод при изучении языковой интерференции на грамматическом уровне.....	10
М.И. Ермакова . К вопросу о сравнительной грамматике верхне- и нижнедужицкого литературных языков.....	12
В.К. Журавлев . Диакроническая типология.....	13
Вяч.Вс. Иванов . Категория лишительности в языках евразийского языкового союза.....	15
Л.Э. Калинин . К вопросу о критериях типологического тождества на фонологическом уровне.....	15
В.Б. Касевич . Типология языков и типология культур.....	17
А.Е. Кибрик . Типология родственных языков: синхрония и эволюция.....	19
Г.П. Клепикова . Сравнительно-типологическое изучение лексико-семантических явлений в диалектах карпатского ареала.....	20
Н.А. Козинцева . Структурно-типологическая характеристика категории пересказываемости.....	22
М.И. Лекомцева . Тип и типология.....	23

О.О. Лешкова. К вопросу о специфике сопоставительного изучения лексики.....	24
Т.Н. Малияр, О.Н. Сильверстова. Семантика "дистанционных" предлогов и наречий в русском и английском языках.....	26
Т.Н. Моложная. Косвенные наклонения в славянских языках.....	27
Ф.Я. Мухамеджанова. Еще раз о фактивности.....	29
Т.М. Николаева. Типология и диахрония.....	30
Б.Ю. Норман. Система членов предложения болгарского языка в типологическом аспекте.....	32
Е.В. Петрухина. К описанию типологии внутриглагольных деривационных систем в славянских языках.....	34
В.Я. Плоткин. Особенности взаимодействия аналитизма и синтетизма в балканском словоизменении.....	35
Т.В. Попова. К вопросу о синхронной членимости глагольных словоформ в славянских языках.....	36
З. Рудник-Карват. К вопросу о сопоставительном описании словообразования славянских языков.....	37
Т.Н. Свешникова. Ранговая грамматика румынских и болгарских клитик.....	38
И.А. Седакова. Сопоставительный анализ процессов вторичной номинализации в близкородственных языках.....	39
Л.Н. Смирнов. Проблемы сопоставительной лексикологии в современной чехословацкой лингвистике.....	40
Е.В. Соловьева. Ономастический анализ русской и болгарской фитолексики.....	42
Ю.Е. Стежковская. Особенности функционирования суффиксов имен существительных в чешском и сербскохорватском языках.....	42
Т.М. Судник. Об отрицательных конструкциях в северо-западных белорусских говорах.....	43
Т.С. Тихомирова. О некатегориальной эквивалентности польских и русских текстов.....	45
С.М. Толстая. К типологии морфологических моделей: deverbativa на *-enъje.....	46

В.С. Краковский. Условные конструкции в славянских языках (проблемы типологического анализа).....	47
С.С. Кромов. Еще раз о проблеме поисков интонационных универсалий.....	48
К.Г. Чинчлей. Переходность типа или языковая интерференция?.....	49
А.Г. Широкова. Теоретические предпосылки синхронного сопоставительного изучения грамматического строя славянских языков.....	51

Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков. Тезисы докладов и сообщений межреспубликанской конференции. - М., Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. - 55 с.

Подписано в печать 08.04.92. Формат бумаги 60 x 90 I/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,4.
Тираж 100 экз. Зак. 80 Цена договорная

Отпечатано на ротапринтере ВНИИСтатинформа Госкомстата
Российской Федерации

